

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

И. М. САВЕЛЬЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФРОНТИР*

В статье даны анализ и оценка теоретического обновления исторической науки за последние 10–15 лет. Объектом исследования является историческое знание в той его части, в которой формируются концептуальные основания изучения прошлой социальной реальности, определяющие сегодняшние профессиональные представления о «предмете и методе». Речь идет о новых теориях, концепциях, развитии понятийного языка, использовании конкретных методов научного анализа применительно к отдельным подсистемам прошлой социальной реальности, а также о создании новых междисциплинарных областей, обоюдных заимствованиях и интервенциях. Информационную основу исследования составляют исторические журналы, для которых характерен теоретический уклон; ведущие исторические специализированные журналы, репрезентирующие состояние дел в отдельных областях; социологические журналы, публикующие работы по исторической социологии, и научные монографии за 1995–2011 гг.

Ключевые слова: история, теория, историография, методология, исторические понятия, исследование, анализ, обновление, темпоральность, пространственный поворот, гуманитарные науки, социальные науки, междисциплинарность, историзация, историческая социология.

Идея произвести ревизию методологических оснований историографии XXI в. родилась в контексте более общих размышлений о новых траекториях теоретических поисков в социальных и гуманитарных науках последних десятилетий¹. В социальных науках теории часто представляют собой «всенародное достояние», они принадлежат всем, кто работает в области социальной мысли, хотя прежде всего, конечно, – своей дисциплине. В 1960–1980-х гг. практически все науки о человеке отличались не только постоянным появлением новых теорий, но и их

* Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ–ВШЭ» (индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0079).

¹ Первым подступом к оценке новых тенденций в теоретической мысли отдельных современных социальных и гуманитарных наук (экономической теории, теоретической социологии, методологии истории и филологии) стала серия Круглых столов и семинаров ИГИТИ НИУ ВШЭ, проведенная в 2010–2011 гг., в том числе и семинар по истории в феврале 2011 г., на котором был представлен и обсужден мой доклад «Что случилось с “Историей и теорией”?». Всем коллегам, принявшим участие в обсуждении, я выражаю искреннюю признательность за творческое соучастие. Материалы см.: <http://igiti.hse.ru/Meetings/Conferences>

быстрым проникновением в другие социальные дисциплины; в результате непрерывно возникали новые междисциплинарные территории, объединенные как объектом, так и методом исследования². Историческая наука много выиграла от этого процесса, и ее сегодняшнее состояние и содержание до сих пор во многом определяется выработанной в прошлом веке способностью к плодотворной рецепции теоретических новаций. Гораздо менее четко просматривается роль новых социальных теорий в современной исторической науке. Отчасти в связи с этим возникает вопрос и о статусе теории в историографии наступившего века.

Соответственно, анализ современного состояния теоретических аспектов исторического знания представляется интересной исследовательской проблемой, по которой в современной исторической литературе сколько-нибудь ощутимой дискуссии не наблюдается. Более того, не очень заметны исследования новейших тенденций в развитии теоретических оснований и в других социальных и гуманитарных науках (экономике, социологии, психологии, филологии), которые привлекли бы внимание специалистов. Можно предположить, что после десятилетий бурного развития социально-научное знание вышло на плато и продолжает осваивать накопленный ранее теоретический багаж. Но подтверждение или опровержение этой гипотезы требует анализа очень большого массива литературы, профессиональных специализированных журналов и монографий, что позволит оценить степень теоретического обновления исторического знания, определить какие области исторической науки образуют сегодня методологический авангард.

Для определения теоретического фронта истории в XXI веке важны последовательные ответы на два вопроса:

– Что историки могут объяснить сегодня из того, что они не могли объяснить 15 лет назад?

– Что из того нового, что они могут объяснить сегодня, основано на концепциях, теориях, подходах, возникших за последние 15 лет?

I. Что историки могли объяснить 15 лет назад

Анализ современного состояния исторического знания предполагает краткую характеристику предшествующего периода, выберем достаточно протяженный, но единый – 1960– начало 1990-х гг. Любой историк согласится, что это были «славные десятилетия» радикального обновления и методологического переоснащения исторической науки, характерные черты которого – междисциплинарность, возникновение огромного количества новых исторических субдисциплин, появление у

² Савельева. 2011. С. 491–515.

историков нового (междисциплинарного) корпуса классиков, формирование конвенционального списка известных историков, возвращение «большой исторической науки» к читателям, отчетливая методологическая рефлексия³. Попробую кратко охарактеризовать эти параметры.

Междисциплинарность

В исторических исследованиях второй половины XX в. активно использовались концепции и понятия, выработанные в теоретической экономике, социологии, политологии, культурной антропологии, психологии, лингвистике. При этом междисциплинарное взаимодействие в сочинениях по истории почти всегда происходило в форме соединения теории из неисторической дисциплины и исторических методов исследования. Начиная с 1960-х гг. обновление историографии совершалось в высоком темпе, и сложилась следующая модель взаимодействия: социальная дисциплина – соответствующая историческая субдисциплина – выбор теории – ее применение к историческому материалу⁴.

«Стратегия присвоения» обнаружила совершенно иные возможности для анализа исторического материала и оказалась чрезвычайно плодотворной для развития исторического знания. В итоге тесного союза истории с социальными дисциплинами, реализованного ведущими западными историками, в 1960-е гг. экономическая и социальная истории завоевали передовые позиции в историографии, опираясь на экономические и социологические макротехники (экономических циклов, экономического роста, социальной стратификации, модернизации, символической власти, конфликта, миросистемный анализ) и структурный анализ.

Вслед за становлением экономической, социальной и демографической истории, ориентированных в то время на возможности применения математических и статистических методов, начинается использование историками достижений других социальных и гуманитарных наук. Одной из самых востребованных историками областей знания становится культурная антропология; на ее теориях и во многом методах строится историческая антропология, история ментальности, история повседневности и даже «новая» политическая история. Причем, если в 1960–1970-е гг. историки брали на вооружение преимущественно мак-

³ Разные аспекты развития историографии в этот период обсуждались во многих работах: *Faire de l'histoire...*; *La nouvelle histoire...*; *International Handbook of Historical Studies...*; *Wehler*. 1980; *The New History: The 1980's and Beyond...*; *Novick*. 1988; *New Perspectives on Historical Writing...*; *Iggers*. 1997; *Passés recomposés: Champs et chantiers de l'histoire...*; *L'Histoire et le métier d'historien en France*; *Windshuttle*. 1996; *Hobsbawm*. 1997; *Pomian*. 1999; *Tou*. 2000; *Clark*. 2004; etc.

⁴ Савельева, Полетаев. 2005.

ротеретические подходы (экономические циклы, теория конфликта, модернизации, власти), то начиная с 1980-х гг., они начали обращаться к микроанализу с привлечением соответствующих теоретических концепций (потребительской функции, ограниченной рациональности, сетевого взаимодействия и т.д.).

Корпус новой классики

Для каждого периода развития социально-гуманитарного знания существует некий набор авторов, из работ которых ученые-гуманитарии черпают идеи, методы, цитаты, в крайнем случае – просто ссылаются на имена. Это – свидетельство и проявление междисциплинарного характера современных наук о человеке. Однако в историографии к концу прошлого века сложилась ситуация доминирования, условно говоря, «чужих» классиков. Значение концепций и моделей, почерпнутых из практически всех социальных и гуманитарных наук в небывалой степени возросло, сведя почти на нет роль собственно исторических теорий.

В исторических исследованиях второй половины XX в. функции классиков обычно выполняли представители социологии, культурной антропологии, социальной психологии и т.д. В исторических сочинениях появляются такие классики как экономисты Й. Шумпетер, С. Кузнец, У. Ростоу, К. Поланьи, Д. Норт; социологи Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, И. Уоллерстайн, П. Бурдьё, да и по-новому прочитанный К. Маркс. Ведущие антропологи (К. Гирц, К. Леви-Строс, А. ван Геннеп, Э. Лич, М. Мосс, М. Салинз и др.) выполняют функции классиков в исследованиях по исторической антропологии и истории ментальности. Такие же списки можно привести, если обратиться к лингвистике, психологии, cultural studies, философии.

В это же время сформировался круг признанных историков и список трудов, положивших начало новым направлениям. В современной макросоциальной истории к этому списку можно отнести исследования Ф. Броделя, П. Стирнза, Э. Хобсбаума⁵. Точно так же обращение к микроанализу в социальной истории, связанное с возникшими в 1970-е гг. сомнениями по поводу известных макроисторических моделей, четко маркировано работами Дж. Леви, К. Гинзбурга, Х. Медика⁶.

Появление культурологической интерпретации повседневного поведения в 1970–1980-е гг. было отмечено поистине культовыми историческими книгами – «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)» Э. Ле

⁵ См.: Stearns. 1967; Tilly. 1984; Tilly et al. 1975; Хобсбаум. 1999; Hobsbawm. 1994; Бродель. 1992.

⁶ Levi. 1985; Гинзбург. 2000; Medick. 1996.

Руа Ладюри, «Сыр и черви. Картина жизни одного мельника, жившего в XVI в.» К. Гинзбурга, «Возвращение Мартена Герра» Натали Земон Дэвис⁷, – которые стали эталоном исследования повседневной жизни в контексте культуры прошлого. Начало исследованиям плебейской культуры положили работы П. Бёрка и Э. Томпсона⁸. В ряду основополагающих работ по истории детства – известная книга французского историка Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке»⁹. У истоков психоистории стоит книга Э. Эриксона «Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование»¹⁰.

Одна из последних инициатив в классике произошла совсем недавно в области «исторической памяти» – это известные исследования П. Нора и книг Я. Ассмана «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности»¹¹. Вся современная «индустрия производства исторической памяти» перерабатывает в меру сил и потребностей их фундаментальные работы.

Диверсификация предметного поля исторических исследований, тенденция к пересмотру эпистемологических принципов исторического знания не увели признанных историков от массовой аудитории, а напротив, позволили приблизиться к ней. Появилась волна бестселлеров, созданных историками, способными писать «историю как роман», не поступаясь при этом соблюдением дисциплинарных конвенций¹².

Методологическая рефлексия

Манифесты в защиту исторической науки и дискуссии о характере исторического знания стимулировались как «историографическими поворотами», так и явлением постмодернизма. Никогда так активно, как на исходе прошлого века, историки не обсуждали проблемы методологии истории. В работах многих ведущих историков (П. Бёрка, П. Вейна, К. Гинзбурга, Р. Дарнтон, Н. Земон Дэвис, Ж. Ле Гоффа, Ю. Кокки, М. Конфино, М. Оукшотта, Ж. Ревеля, Л. Стоуна, Ч. Тилли, Р. Фогеля, Ф. Фюре, Э. Хобсбоума, Р. Элтона и др.) была предпринята попытка снова объяснить специфику предмета исторической науки, особенности исторического сознания и познания, а также четче обозначить нормы и конвенции, которыми руководствуются профессиональные историки.

⁷ Ле Руа Ладюри. 2001 [1975]; Гинзбург. 2000 [1976]; [Земон] Дэвис. 1990 [1983].

⁸ Burke. 1980.

⁹ Арьес. 1999 [1960].

¹⁰ Эриксон. 1995 [1958].

¹¹ Les lieux de mémoire. 1984–1993; Ассман. 2004.

¹² Ле Руа Ладюри. 2001; Гинзбург. 2000; Дарнтон. 2002; [Земон] Дэвис. 1990; [Земон] Дэвис. 1999; Шартье. 2001.

Весь теоретический багаж, освоенный и преобразованный исторической наукой во второй половине XX в., ощутимо работает в поле современной историографии. Но нас интересуют новые вопросы и новые ответы, получаемые с помощью *новых* теорий и моделей исследования.

II. История и теория в XXI веке

Начала я с просмотра журнала *“History and Theory”*, который на протяжении многих десятилетий был для меня главным ориентиром в теории истории. Казалось, что наименования тематических номеров, проблематика статей укажут на новые области исследования, обозначат возникающие междисциплинарные перекрестки. Но скорее журнал указал на начавшуюся в 1990-е гг. смену тематических приоритетов и даже на размывание границ между научной и не вполне научной историей.

Содержание журнала достаточно ощутимо изменяется с середины 1990-х гг. Это мало проявляется в названиях тематических выпусков, практически не уступающих прежним «по градусу концептуальности», но отличия легко уловимы по постановке проблем в отдельных статьях. Кроме того, поражает изобилие статей о кино, опере, фотографии, сериалах, исторической памяти, «неконвенциональной истории» и прочих сюжетах, типичных для *cultural studies*. При этом журнал по-прежнему позиционирует себя как издание, которое «прокладывает пути в исследовании природы истории. Известные мыслители мира делятся своими размышлениями в следующих областях: критическая философия истории, спекулятивная философия истории, историография, история историографии, методология истории, критическая теория, время и культура. Дисциплины, имеющие к этому отношение, также освещаются на страницах журнала, включая взаимодействия между историей и естественными и социальными науками, гуманитаристикой и психологией»¹³.

Более внимательное изучение содержания журнала за последние 15 лет определило модус размышлений и эмоциональный фон для них — с оттенком нерадостного удивления. Тут и возник первый вопрос: показывает ли журнал «среднюю температуру по больнице» или все-таки именно с ним что-то произошло? Основания для того, чтобы не генерализовать ситуацию, конечно, были. Одно из очевидных состояло в том, что приглашенным редактором многих номеров был Франк Анкерсмит, занимавший отчетливо постмодернистскую позицию¹⁴. Правда, в

¹³ [http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/homepage/ProductInformation.html](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1468-2303/homepage/ProductInformation.html)

¹⁴ Недавно Анкерсмит отказался от последовательного постмодернизма и находится в поисках «третьей пост-постмодернистской стадии». *Ankersmit*. 2006. P. 121.

самые последние годы наметился сдвиг в сторону сциентизма и реализма. Содержание выпуска, изданного к пятидесятилетию журнала и посвященного темам будущего, кажется, показывает такую перспективу¹⁵. О том же в какой-то мере свидетельствует и список статей, которые пользуются наибольшим читательским спросом (Top Highlights), за 2008–2009 гг. Половину текстов из этого перечня представляют собой статьи о роли научных подходов к истории или программные рецензии ведущих историков на серьезные теоретические работы.

Top Highlights 2008–2009

Runia, Eelco. Burying the Dead, Creating the Past.

Iggers, George. A Search for a Post-Postmodern Theory of History (рец. на книгу под редакцией Йорна Рюзена “Meaning and Representation in History”. Ed. by Jörn Rüsen.)

Jay, Martin. Faith-Based History. (рец. на книгу Чарльза Тэйлора. Charles Taylor “A Secular Age”)

Carr, David. Narrative Explanation and its Malcontents

Spiegel, Gabriel M. Revising The Past / Revisiting the Present: How Change Happens in Historiography

Classen, Christoph and Kansteiner, Wulf. Truth and Authenticity in Contemporary Historical Culture: An Introduction to Historical Representation and Historical Truth

Printy, M. Skinner and Pocock in Context: Early Modern Political Thought Today (рец. на книги о современной политической мысли: “Rethinking the Foundations of Modern Political Thought”. Ed. by Annabel Brett and James Tully, with Holly Hamilton-Bleakley и “The Political Imagination in History: Essays Concerning J. G. A. Pocock”. Ed. by D. N. DeLuna and assisted by Perry Anderson and Glenn Burgess)

Bevernage, Berber. Time, Presence, and Historical Injustice

Werner, Michael, Zimmermann, Dicte. Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge of Reflexivity

Dietze, Carola. Toward a History on Equal Terms: A Discussion of Provincializing Europe (рец. на книгу Дипеша Чакрабарти. Dipesh Chakrabarty “Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference”).

В список из 10 работ попала, например, рецензия Дж. Иггера «В поисках пост-постмодернистской теории истории»¹⁶. Интересно, что речь (и не только в данном случае) идет о высокой востребованности всего-то рецензии на книгу, в которой говорится об исчерпанности не только модернистского, но и постмодернистского периода в исторической науке, и о потребности в новой «теории истории». Правда книга, о которой идет речь¹⁷, составлена известным историком-теоретиком Йорном Рюзеном, а наряду с его собственной статьей там помещены работы именитых Анкерсмита и Дэвида Карра. Да и автор рецензии не менее

¹⁵ History and Theory: The Next Fifty Years. Vol. 49. Issue 4 (December 2010).

¹⁶ Iggers. 2009.

¹⁷ Meaning and Representation in History...

известен. И все же резонно предположить, что читателей более всего привлекает тема, предлагающая новые подходы к истории или, по меньшей мере, новые размышления о них, возникшие у Иггерса на основании чтения коллективной монографии.

Статья известного философа истории Дэвида Карра «Нарративное объяснение и его противники», помещенная под рубрикой *Форум: Историческое объяснение*, написана в защиту нарратива как формы исторического исследования. Последовательно рассмотрев доводы противников нарративного объяснения, которые звучали из стана «школы Анналов», и шире – представителей разных направлений «новой научной истории», а затем из лагеря постмодернистов (Х. Уайт, П. Рикёр), Карр приходит к вполне ожидаемой в его устах реабилитации «рассказывания историй». Нарратив, по его словам, строится по правилам, по которым происходят сами действия: «Именно благодаря сходству структуры действия, производимого человеком, и структуры нарратива мы обычно можем объяснить действие, рассказывая о нем историю»¹⁸.

Рецензия М. Принти «Скиннер и Поккок: Политическая мысль раннего Нового времени в наши дни»¹⁹ на книги о политической теории в традиции Дж. Поккока и К. Скиннера возвращает к вершинам историко-политической мысли XX в. А статья Г. Спигел, как и выпуск, в котором она публикуется, посвящена механизму непрерывной ревизии в исторической дисциплине²⁰. В качестве стартовой автором избрана идея Мишеля де Серто о том, что ревизия является необходимой предпосылкой исторического исследования, поскольку сама дистанция между прошлым и настоящим требует постоянных инноваций, чтобы производить объекты исторического знания, которые не существуют, пока историк не укажет на них. Автор анализирует возможные психологические, социальные, и профессиональные причины смены интерпретаций на примере лингвистического поворота в историографии.

Замечу, что все упомянутые статьи из топ-листа написаны представителями «старой гвардии», осмысливающими очередные этапы эволюции дисциплины с позиций теории. Однако в этом списке есть и другая половина, к чему мы вскоре подойдем.

В предисловии к серии «Making Sense of History» ее ответственный редактор Й. Рюзен пишет, что в то самое время как многие теоретики провозгласили, что история как академическая дисциплина приближи-

¹⁸ Carr. 2008.

¹⁹ Printy. 2009.

²⁰ Spiegel. 2007.

лась к своему концу, «исторические предметы» обсуждения – народная память, телевизионные и голливудские истории, публичные и политические дискуссии о прошлом – «кажется, с остервенением занимают ее место». В связи с этой констатацией он ставит следующий вопрос: «представляет ли академическая дисциплина “история”, какой она сложилась в западных университетах на протяжении последних двухсот лет специфический способ или тип исторического размышления, который можно отличить и отграничить от других форм и практик исторического сознания»²¹. И призывает к «новой теоретической рефлексии».

Эта грань между академической (научной) историей и другими формами исторического знания на самом деле достаточно концептуализирована²², но почему-то непрерывно стирается даже на страницах солидных академических журналов. Пример тому – тематический номер «Истина и аутентичность в современной исторической культуре»²³. Даже введение к выпуску, написанное К. Классеном и В. Канштайнером, попало в Top Highlights. Ключевые слова – аутентичность, историческое сознание, историческая культура, Холокост, реализм, дигитальные медиа, травматическая память – дают надежду на то, что в выпуске мы найдем «новую теоретическую рефлексию». Авторы тома анализируют центральную для исторической науки проблему «исторической истины» (в данном случае в контексте формирования массовых исторических знаний). В поле зрения оказываются шесть типов исторической репрезентации, играющие важную роль в современной исторической культуре: исторический роман, историография, фотография, художественные фильмы, видеоигры и музейные экспозиции. Каждое эссе сфокусировано на историческом событии, которое служило пробным камнем в дискуссиях об историографии, исторической культуре и этике исторической репрезентации. Пять эссе посвящены Второй мировой войне и Холокосту²⁴, и одно – истории рабства и его наследия в США. В числе «репрезентирующих текстов»: роман «Бойня №5» Курта Воннегута²⁵, фильм «Список Шиндлера» Стивена Спилберга²⁶, современные видеоигры и пр. Выбор не вызывает возражений. Удивление вызывает вывод, в котором все эти формы знания уравниваются не по степени их влияния на массового читателя, а по критерию *исторической истинности*.

²¹ Western Historical Thinking: An Intercultural Debate... Pp. vii, ix.

²² Савельева, Полетаев. 2003–2006; Феномен прошлого...

²³ Classen, Kansteine. 2009.

²⁴ Kansteiner. 2009; Keilbach. 2009.

²⁵ Rigney. 2009.

²⁶ Classen. 2009.

«С одной стороны, они (статьи – И. С.) показывают нам, как работают отдельные тексты или визуальные репрезентации и как “ловкость рук” позволяет производить эффект реальности в разных культурных декорациях. С другой стороны, они знаменуют торжество текста и его создателя, оказавшего влияние на историческое сознание многих потребителей, включая самих авторов. В результате авторы тома вовсе не предлагают элегантных деконструкций исторических репрезентаций, созданных якобы теоретически наивными историками и другими практикующими в истории. Напротив, эссе представляют собой поисковые, свободные, отмеченные саморефлексией диалоги о проблемах исторической истины, основанные на благожелательном пристальном прочтении широкого круга артефактов культуры»²⁷.

Или статья из того же списка, написанная Элко Руни, в которой автор упрекает профессиональных историков в том, что изучая такие болезненные сюжеты как «память» и «травма» в «позитивистском» ключе, они уже одним этим фактом разоблачают свою «неискренность». В результате, по словам Руни, «тему коммеморации можно встретить повсюду, но к ней никогда не относятся с должной серьезностью»²⁸.

Итоги просмотра “*History and Theory*” побудили обратиться к другим историческим журналам, для которых характерен теоретический (методологический) уклон, среди них: *Historical Method*, *History Today*, *Journal of Modern History*, *Rethinking History*, *American Historical Review*, *History Workshop Journal*. Конечно, это было не сплошное прочтение, но просмотр «наметанным глазом» показал, что нельзя говорить о тотальном исчезновении из научно-исторической периодики теоретической составляющей. Встречается довольно много работ о теориях национализма, теориях империй, гендерном подходе. Есть статьи о роли agency в истории, компаративистике и ее субститутах, каузальном плюрализме в изучении прошлого, использовании исторической лингвистики, о конце марксистской историографии, об историческом ревизионизме. Встречаются выпуски и отдельные статьи, предлагающие концептуальное переосмысление хорошо изученных исторических феноменов, например, Английской или Французской революции и т.д. Но, к сожалению, на страницах практически всех упомянутых академических журналов очень заметен крен к стратегии «живой озабоченности».

Просмотр полнотекстовых баз книг по истории за последние полтора десятилетия (издательства Sage, Springer, Oxford University Press, Cambridge University Press, Routledge University Press, Yale University Press, California University Press, Princeton University Press и др.) с целью обнаружить новые труды по теории/методологии истории (в широком

²⁷ Classen, Kansteiner. 2009. P. 1.

²⁸ Runia. 2007.

смысле), конечно, дал более многомерную картину, но не изменил ее радикально. Можно уверенно сказать, что методологического обновления истории, сколько-нибудь *сопоставимого* даже с любым из десятилетий второй половины XX века, в наступившем столетии не происходило – ни на уровне внедрения новых «сильных» концепций, ни на уровне междисциплинарного взаимодействия, ни в области появления новых объектов, ни в сфере теоретической рефлексии.

Если же обратиться к конкретным направлениям, из сложившихся ранее, то можно увидеть, что продолжается экспансия культурной истории (особенно энергично в сфере визуальных исследований), активно развиваются микроистория, локальная история, историческая антропология, история массовых представлений и «исторической памяти», гендерная и женская тематика. Заметно изменилась история науки и образования. В целом историки за последние годы узнали много нового, радикально переосмыслили уже известную информацию – масштаб сделанного поражает. Однако в этих областях не произошли заметные *теоретические* подвижки, историки опираются на аналитические процедуры и методы, освоенные и «присвоенные» ими в прошлом веке.

Конечно, на фронт исторических исследований действуют экзогенные факторы. Социальные проблемы современного общества – постсоциализм, глобализм, неокOLONиализм, новый миропорядок, религиозная мобилизация, новый характер миграции и маргинальности, массовая культура – ставят задачи научного анализа связанных с ними явлений и процессов (демократии, империи, transition, цивилизации, культуры, идентичности, гендера, массовых представлений) и перед историками.

Кажется, что в целом развитие историографии в последние полтора десятилетия намного заметнее определяется «социальным заказом», чем в период первых «поворотов». Об этом говорит и распространение «публичной истории» и авторитетность фигуры публичного историка²⁹. Хотя вопрос о степени влияния социального заказа на трансформации исторической науки непрост: достаточно вспомнить, что в «новой социальной истории», утвердившейся на фоне событий 1968 г., в центре внимания были социальные движения, революции и другие формы протеста. (Правда тогда «публичные историки» и помыслить не могли о вытеснении академических, зато «левые» успешно теснили «правых».)

В то же время в развитии историографии важны факторы эндогенные, связанные с развитием социальных и гуманитарных наук. Очеред-

²⁹ О распространении публичной истории в разных странах см. специальный выпуск журнала: The Public Historian. Santa Barbara: Summer 2010. Vol. 32. Issue 3.

ные «повороты» там происходят, и они порождают новые междисциплинарные поля. Сегодня в социальных науках активно задействованы такие дисциплины как география, экология, биология, нейрология, антропология. Взаимодействие с ними образует не существовавшие ранее междисциплинарные союзы и «повороты», среди которых пространственный поворот³⁰, эволюционная экономика³¹, моральная география³², социобиология (биологический или когнитивный поворот)³³.

Интерес социальных наук к биологии связан с тем, что признание человека биосоциальным существом требует от представителей наук о человеке столь же тщательного изучения его биологической природы, как и социальной, а кроме того сегодня очень востребована и развивается неodarвинистская–эволюционная теория³⁴. В отдельных исторических работах, посвященных теоретическим или философским основам исторического познания, обнаруживается осведомленность в происходящем. Социобиологии и эволюции был посвящен специальный выпуск «*History and Theory*»³⁵. Однако мы находим трезвую оценку неготовности историков последовать примеру коллег по социальным наукам.

Из всех перечисленных трансформаций, наблюдаемых сегодня на поле социальных дисциплин, наиболее актуальной для истории оказалась «специализация» социальных наук³⁶. Переосмысление фактора пространства объясняется тем, что в современной историографии новации локализуются, прежде всего, в области глобальной истории, пост/неоколониальных исследований, истории империй, субстанциальной философии истории (в той ее части, которая связана с проблематикой глобализма)³⁷. Всемирная история в самых разных вариантах вышла на лидирующее место в исторических публикациях, особенно журнальных. Таким образом, влияние новых интерпретаций социального про-

³⁰ Baker. 2003; Cañizares-Esguerra. 2002.

³¹ См. напр.: Witt. 2003; Witt. 2008; *Frontiers of Evolutionary Economics...*

³² Cresswell. 1996; Livingstone. 1992; Sibley. 1995.

³³ Boyd, Richerson. 1985; 2005a; 2005b; Smail. 2008.

³⁴ *The Return of Science: Evolution, History, and Theory...*; Fracchia, Lewontin. 1999, and the subsequent debate in *History and Theory*. Vol. 44. Issue 1 (February 2005); Runciman. 2005; Fracchia, Lewontin. 2005; Runciman. 2005.

³⁵ См: *History and Theory*. Theme Issue 1999. Vol. 38, и последующую дискуссию в *History and Theory*. February 2005. Vol. 44. Issue 1.

³⁶ О специализации социальных наук см.: Gieryn. 2000; *The Spatial Turn...*; Löw. 2001; Massey. 2005; Murdoch. 2006, Филиннов. 2008.

³⁷ Crossley. 2008; Cowen. 2001; *Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History...*; Reynolds. 2000; Bulliet et al. 2008; *The Global History Reader...*; Mazlish. 2006; Bentley et al. 2003; См. также: *Journal of Global History*. 2006–2010.

странства на историческую науку проявилось прежде всего в трансформации дисциплины, которую со времен Полибия называли всеобщей или всемирной историей. «Весь мир» – старейший предмет размышлений историка – оказался одним из самых востребованных и радикально ре- и деконструированных объектов в современной историографии.

III. Пространственный поворот и глобальная история

В последней трети XX в. всемирная история не фигурировала в списке «новых научных» (оснащенных передовыми социальными теориями) исторических субдисциплин, скрываясь в тени универалистских концепций, разработанных в философии истории и макросоциологии. В основе всемирной истории лежали идеи универсальности, линейности, цикличности, стадиальности, прогресса и т.д. (О. Шпенглер, А. Тойнби, Г. Уэллс, П. Сорокин, Ф. Нортроп, К. Ясперс, А. Крёбер, Э. Фёгелин и др). В последние десятилетия XX в. активно использовались также макросоциологические концепции, предлагающие различные модели перехода от традиционного общества к модерному. Хотя с конца 1960-х гг. появляется, условно говоря, «новая научная» всемирная история, очень немногие историки, среди них У. Макнил и Л. Ставрианос³⁸, писали всеобщую историю действительно по-иному.

На исходе XX и в XXI в. «всеобщая история» в значительной своей части радикально преобразуется. В ее границах, на фоне сохраняющейся традиции, утвердились новые, более заметные направления, которые являются следствием критической и постмодернистской революций в философии³⁹ и опираются на ряд концепций и подходов, разработанных в ходе антропологического, лингвистического и культурного поворотов. Это, во-первых, глобальная и транснациональная истории, предлагающие способы конструирования универсального не-европоцентричного мира. Во-вторых, мировая история, которая возникла в ходе переосмысления сравнительной истории цивилизаций, в результате чего в фокусе изучения оказались процессы взаимодействия миросистем и локальных цивилизаций. В-третьих, интернациональная история, изучающая историю формирования и развития различных международных сообществ. С необходимыми оговорками сюда можно отнести методологически переоснащенные историю империй⁴⁰ и историю наций.

Победоносное шествие всемирной истории во всех ее изводах является не только несомненной реакцией на мощный социальный заказ,

³⁸ McNeill. 1964; Stavrianos. 1989.

³⁹ Прежде всего, постколониальная критика: Gilbert, Tompkins. 1996.

⁴⁰ См.: тематический выпуск *History and Theory*. Oct. 2005. Vol. 44. Issue 4.

предъявляемый разными общественными группами, включая представителей самого «постколониального мира» (от наций и этносов до носителей современных и постсовременных идеологий), но и результатом познавательных процессов, пробуждающих исследовательский интерес. Это и заставляет присмотреться внимательнее к тому, насколько теоретична «историческая глобалистика» и в чем методологическая новизна «пространственного поворота» в историографии.

Одна из главных функций географического пространства в историческом исследовании состоит в том, что оно служит способом задать рамки предмету истории, то есть очертить границы социальных взаимодействий в прошлой реальности и тем самым трансформироваться в пространство историческое. При этом историк может исходить из своего видения пространства, может говорить о пространстве, сконструированном участниками социального взаимодействия, а может изучать сам процесс конструирования пространственных образований в тот или иной период прошлого. Радикальное переосмысление исторического пространства осуществил в своих эпохальных трудах Ф. Бродель, предложив рассматривать как целостные образования исторические ареалы, жизнь которых определялась единой геодемографической средой, независимо от границ политических образований⁴¹. Тем самым было положено начало обширной истории внесударственного пространства.

Позднее исследователи сконцентрировались на изучении того, что люди *думали* о своем и чужом пространстве, как они *видели* те или иные географические ареалы, как конструировали территориальные целостности и какими смыслами их наделяли. К подобным исследованиям исторического пространства относятся работы по истории формирования геоисторических (геополитических) конструктов, например, таких как «Индия», «Восточная Европа», «Балканы», «Кавказ», «Дикий Запад» и др. С историческим пространством в подобной интерпретации связано формирование символического универсума системы культуры: мистические компоненты традиции, приметы «малой родины», дизайн места обитания и базовые основы национальной идентичности. К этому же типу анализа следует отнести и работы по культурной антропологии, в которых анализируется категория «пространство», и исследования истории «ментальных карт» с такими популярными на рубеже веков концептами как «пограничье», «граница», «зона контакта», «срединность», «ориентализм» (и другие «измы», образованные по аналогии)⁴².

⁴¹ Бродель. 2003; Бродель. 1992.

⁴² Шенк. 2001.

Применительно к сегодняшней исторической науке речь идет о новой стадии аналитической рефлексии, главная задача которой в создании принципиально иного глобального (транснационального) пространства, сегментированного, дисперсного, а главное – не (европо)центрированного. В исследованиях, которые, хотя и с большими оговорками, но все же можно объединить под рубрикой «всемирная история», происходит радикальная реисторизация образов Африки, Азии и Латинской Америки, провинциализация «Европы»⁴³, деструкция таких обобщенных понятий как «третий мир», «периферия», «Запад» или «Восток». Категории «Евразия», «Латинская Америка», «Тихоокеанский регион», «Атлантический мир» (но не в броделианском смысле) начинают преобладать над концептами, связанными с «временем по Гринвичу» и «миром Запада». Одновременно появляется большое количество отдельных историко-территориальных объектов, существование которых в прошлом и настоящем человечества «открывается» или перекрывается. Предметом изучения становятся актуальные для современного мира, но новые для историков аспекты прошлого: миграции, феномены полиязыковости и поликультурности, разнообразные транскультурные процессы, «мир во фрагментах».

Глобалистика, дисциплина, под зонтиком которой расположились мировая, глобальная, транснациональная и пр. истории – междисциплинарное направление. При этом ярлыки «глобальная» и «мировая» («межнациональная») истории, равно как и их аналитический багаж, то противопоставляются друг другу, то воспринимаются в тандеме⁴⁴. Термин «глобальная история» более популярен среди философов и социологов, «в то время как большинство историков отдает предпочтение понятиям “всеобщей” или “всемирной” истории»⁴⁵.

Идейной, и во многом идеологической, базой самых заметных новых направлений всемирной истории является «постколониальная кри-

⁴³ Chakrabarty. 2000; Dirks. 2001. См. дискуссию в спецвыпуске *Форум: History and Theory: Provincializing Europe / History and Theory*. Vol. 47. Issue 1 (February 2008). В упоминавшуюся десятку самых читаемых статей вошла статья Dietze. 2008.

⁴⁴ Penina. 2009. С. 31. См., в частности: Kossock. 1993; Geyer, Bright. 1995; Mazlish. 1998; Internationale Geschichte. Themen – Ergebnisse – Aussichten...; Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective...; Writing World History 1800–2000...; Manning. 2003; Bayly. 2004; Palgrave Advances in World Histories...; Hughes-Warrington. 2006; O'Brien. 2006; Sachsenmaier. 2007.

⁴⁵ Ионоу. 2003. См., напр.: Globalisation in World...; Rethinking American History in a Global Age...; Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914...; World Civilizations: The Global Experience. 2000–2003; Stearns. 2003; Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past...; Osterhammel, Petersson. 2003.

тика». Замечу, однако, что постколониальная критика, предложившая коренную реконструкцию образа мировой истории, включая разрушение границ между всеобщей историей, востоковедением и этнографией, – совсем не новация. Ее признанные гуру (социальный философ, один из теоретиков и идейных вдохновителей движения новых левых, Франц Фанон, философ Леопольдо Сеа [Zea], литературный критик и теоретик Эдвард В. Саид) создали свои основополагающие труды в *середине* 1990-х годов⁴⁶. В 2000-е годы книги писали уже о них.

А главное остается важный вопрос, сформулированный И. Н. Ионовым: «Что такое глобализация – реальность или идеологема, что такое глобалистика или постколониальная критика — научное направление или форма манипуляции общественным сознанием?»⁴⁷

Поэтому в контексте нашей темы обращение к глобальной истории оправдывает скорее то обстоятельство, что работы по *истории*, написанные в этой парадигме, становятся заметным явлением действительно в XXI в. Что касается новых сильных теорий, пополнивших инструментарий историков или разработанных ими самими, то, на мой взгляд, философские стимулы в виде постколониальной критики сильно ограничили нужду в них. Используя модель поворотов, все направления исторической глобалистики можно было бы объединить под условным названием «новой всемирной истории», но это в значительной мере будет «поворот второго порядка», так как в их концептуальный аппарат инкорпорирован багаж антропологического, лингвистического и культурного поворотов, хотя, безусловно, все варианты «новой всеобщей истории» представляют собой союзы истории с разными дисциплинами.

Прежде всего, это «история с географией»⁴⁸, новые теоретические проблемы которой (специализация социальной мысли, проблемы «концептуальной географии», «моральной географии») активно обсуждаются в современной исторической литературе⁴⁹.

В теоретической области глобальная история исследовала ряд важных проблем, связанных с самоидентификацией субъекта, определением его статуса («субалтерн»), а также с понятиями «модерность», «гибридность», «метисизация», «расизация», «лиминальность». Из социологии заимствуются и разрабатываются на историческом материале

⁴⁶ Fanon. 1967; Fanon. 1963; Fanon. 1969; Zea. 1984; Said. 2006; Culture and Resistance: Conversations With Edward W. Said...

⁴⁷ Ионов. С. 6.

⁴⁸ Baker. 2003; Canizares-Esguerra. 2002; Casey. 2005; Coleman, Agnew. 2007; Ethington. 2007.

⁴⁹ Wigen. 2006; Horden, Purcell. 2006; Alison. 2006; Matsuda. 2006.

такие концепты как структуры власти, социальные иерархии, идентичность, воображаемые сообщества; из культурной антропологии – понятие Другого. И достаточно посмотреть на приведенный чуть ниже список имен идейных вдохновителей глобальной истории, чтобы понять, что особым спросом пользуется «новый литературный критицизм», позволяющий производить самые разнообразные колониальные дискурсы.

Политические науки с их хорошо разработанным для исследования межнациональных, межэтнических, институциональных отношений аппаратом представлены в гораздо меньшей степени. За исключением «новой истории империй», речь о которой надо вести отдельно⁵⁰.

Попутно замечу, что в глобальной истории эксплицитно выражен моральный аспект современного политкорректного и мультикультурного сознания. Как пишет один из наиболее исторически мыслящих современных антропологов Дж. Гуди, западные историки, обращаясь к прошлому тех, кто находится за пределами Запада (географически или даже хронологически), получают возможность отмежеваться от участия в акте «кражи», которая состояла в том, что «цивилизация, демократия, наука, капитализм, любовь, нуклеарная семья и многие другие ценности и институты, на изобретение которых могут претендовать другие культуры, репрезентировались как западные по происхождению»⁵¹.

Как и все другие исторические субдисциплины, направление уже обзавелось своим корпусом классиков, входящих, впрочем, в общий пул гуманитарных наук второй половины *прошлого* века. Если новых авторитетных имен пока немного (среди них, например, очень разные, но влиятельные – Д. Чакрабартти⁵² и Ю. Остерхаммель⁵³), то зато в изобилии старые имена: Б. Андерсон, Билл Ашкрофт, Р. Брубейкер, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ф. Купер, Э. Саид, Ф. Фанон, М. Фуко, Э. Геллнер. Отдельно назову известнейшего историка-универсалиста Дж. Бентли⁵⁴, получившего признание в 1970–80 годы. За ним традиция, не соотносимая с постколониальной критикой, предлагающая другой взгляд на познавательное значение всемирной истории.

Итак, оперируя критериями, предложенными для характеристики теоретического обновления исторической науки (междисциплинарность, появление новых исторических субдисциплин, новые сильные

⁵⁰ Анализом состояния этой области исследований последовательно занимается группа историков, объединившихся вокруг журнала *Ab Imperio*.

⁵¹ *Goody*. 2006. Цит. по: *Smail*. 2008. P. 61.

⁵² *Chakrabarty*. 2000; *Chakrabarty*. 1998.

⁵³ *Osterhammel*. 2000; 2005; *Osterhammel, Petersson*. 2005.

⁵⁴ *Bentley*. 1996; 2002; 2003; 2007.

теории, классики – «свои» и «чужие»), применительно к всемирной истории, безусловно, можно говорить об утверждении новой междисциплинарной субдисциплины и даже выходе на авансцену глобальной и транснациональной истории. Но, мне кажется, что и на этом поле не наблюдается ни *новых* сильных теорий, ни отличного от наследия XX века *корпуса* признанных имен. Однако показательно, что в выпуске *History and Theory*, посвященном прогнозам развития истории на грядущие полвека Д. Кристиан предсказывает, что «в следующие 50 лет мы увидим возвращение древней традиции “универсальной истории”; но это будет новая форма универсальной истории, глобальной на деле и научной по духу и методу, вплоть до возможной интеграции исторической гуманитаристики с исторически ориентированными естественными науками, включая космологию, геологию и биологию»⁵⁵.

IV Новые перекрестки

Задачей данной статьи была ревизия состояния исторической науки за последние 15 лет с целью определить насколько активно возникают исследовательские области, основанные на новых теориях и моделях. Сопоставление в рамках этой общей задачи динамики развития исторической дисциплины второй половины XX – начала XXI в., подтверждает предложенную исследовательскую гипотезу о «выходе на плато» после почти полувековых бурных и разнообразных теоретических трансформаций. Можно предложить некоторые релевантные объяснения ситуации с «историей и теорией».

Конечно, ответ, который сразу приходит на ум, это естественный процесс развития науки, предполагающий снижение потребности в новых теориях после нескольких десятилетий необыкновенно бурного развития. Видимо, освоенные в XX в. теории позволяют производить множество новых конкретных исследований и такое положение может продлиться довольно долго. Одно только тематическое разнообразие исторических работ, которое демонстрируют научные издания, свидетельствует в пользу такого объяснения. Но к закономерному процессу «переваривания» методологических новаций 1960–1980 гг. надо прибавить, как минимум, еще три причины. Или допустить их наличие.

1. Разочарование в общих теориях и шлейф постмодернистского наступления на науку. Казалось бы, историки благополучно пережили атаку постмодернистов и вышли из этой ситуации с минимальными потерями. Годы идут, а исторических работ, выдержанных в постмодернистском духе, почти не появляется, хотя манифестов было достаточно.

⁵⁵ Christian. 2010. P. 6.

Однако последствия постмодернизма оказались намного более серьезными, чем представлялось на рубеже веков. Постмодернистский дух практически не повлиял на исторический метод, но очень заметно воздействовал на тематику. И на отношение к теоретическим моделям, шире – к научности истории. Кроме того, очевидно, что постмодернизм сказался на системе аргументации: стандарты строгого научного изложения значительно ослабли.

2. Негативные перемены, которые произвело в исторической науке институциональное утверждение *cultural studies* (в данном случае нас не интересуют позитивные). Появление с 1980-х гг. многочисленных кафедр, курсов, журналов и грантов по *cultural studies* не сильно радовало традиционных историков. Не случайно книга А. Блума «Конец американского разума» (1987), призывавшая историков вернуться к «настоящим книгам и важным проблемам», неожиданно стала бестселлером. А. Шлезингер тогда же писал, что «культ этничности» является атакой на «общую американскую идентичность»⁵⁶, попыткой «повернуть поколение колледжей против европейской и западной традиции», разновидностью «культурного и лингвистического апартеида», и призвал «молчаливое большинство» американских профессоров не молчать, а бросить вызов «модной глупости». Затем последовали другие работы о засилье *cultural studies* и беспомощности университетских академических историков перед политкорректностью⁵⁷. Тем не менее, содержание журналов, где когда-то тон задавали те самые американские профессора, свидетельствует, что сопротивление экспансии *cultural studies* оказалось делом нелегким, если не безнадежным. Достаточно сказать, что с 2004 г. *Journal of American History* начинает рецензировать не только историческую литературу, но и фильмы! – новая форма презентации истории признается исторической ассоциацией в качестве легитимной⁵⁸.

Здесь самое время задаться вопросом, как учились те историки, которые сегодня могли бы интересоваться теорией?⁵⁹ А учились они так и тогда, когда на академическом уровне произошли радикальные изменения в учебных планах за счет исторических дисциплин. Популярность *cultural studies* привела к тому, что в настоящее время преподавание истории в университетах все дальше отрывается от модели классического исторического образования. Как показал, например, проведенный весь-

⁵⁶ Цит. по: *Levin.. 1993.*

⁵⁷ Библиографию см.: *Levin.. 1993.* P. 852, fn. 5.

⁵⁸ Все же, судя по анализу материалов этого журнала за 1999–2008 гг., сделанному Н. Д. Потаповой, *cultural studies* утрачивают позиции. *Потапова.* Рукопись.

⁵⁹ Мысль об этом подсказал мне Аркадий Перлов.

ма влиятельной в США организацией – Американским советом попечителей и выпускников (American Council of Trustees and Alumni – АСТА) – анализ учебных программ, в последние годы в списках обязательных тем курсы по истории часто объединяются в одну группу с различными неисторическими курсами под рубриками «американская культура», «мировая культура», «текстовые и исторические исследования» и подобными «культурологическими» предметами⁶⁰. И историки, получившие такое эклектическое образование, сегодня уже практикуют⁶¹.

3. Наконец, можно предположить скудость сопредельных социальных наук, к концепциям которых могут обращаться историки. Если там нет новых плодотворных теорий, удобных для изучения прошлого, то и «присваивать» нечего. Но так ли это? С одной стороны, для такого заключения основания имеются. С другой – в контексте предложенной темы, с моей точки зрения, внимание привлекает одна радикальная новация. Она обнаруживается в целом ряде дисциплин, и в ней на самом деле проявляется, казалось бы, давно исчезнувший *империализм* истории, поскольку налицо очередной виток *историзации* ряда наук (и не только социальных), выраженный в активном использовании неodarвинистской эволюционной теории⁶², биологическом или когнитивном повороте в антропологии⁶³, успехах эволюционной экономики⁶⁴, историческом измерении в экологии⁶⁵. Сегодня мы определенно имеем дело с темпорализацией очень разных дисциплинарных дискурсов. И в связи с этим кратко остановлюсь на процессах, происходящих в наиболее близких к истории социальных науках: антропологии и социологии.

Речь идет о дальнейшем углублении истории (в прямом смысле: на глубину миллионов лет) в исторической антропологии и о так называемой «третьей волне»⁶⁶ в исторической социологии. Суть новой концепции истории, предложенной антропологами, историкам достаточно известна – радикальный и обширный междисциплинарный проект, охватывающий миллионы лет и многие биологические виды, как объект

⁶⁰ Restoring America's Legacy... App.

⁶¹ *Поманова*. Рукопись.

⁶² The Return of Science: Evolution, History, and Theory...; *Fracchia, Lewontin*. 1999 and the subsequent debate in History and Theory 44 (February 2005); *Runciman*. 2005; *Fracchia, Lewontin*. 2005; *Runciman*. 2005.

⁶³ *Smail*. 2008.

⁶⁴ См. напр.: *Witt*. 2006; *Witt*. 2008; *Frontiers of Evolutionary Economics*...

⁶⁵ *Szabo*. 2010.

⁶⁶ Под таким названием объединяются в единое направление представители современной исторической социологии, для которых характерно внимание к событию, волевому акту, случайности и пр. – См.: *Adams et al*. 2005.

истории. Культура здесь рассматривается как видоспецифическая форма существования человека – одного из видов приматов, то есть снимается противопоставление между human и unhuman, натурой и культурой⁶⁷. Принцип «многообразия культур» стимулирует связь с «далекой и широкой» историей, потому что все имеют право на прошлое и должны быть «представлены». Логическим результатом применения этого тезиса стало радикальное удлинение истории (во всяком случае – предыстории) и принципиальное расширение понимания взаимодействия человека с природной средой (далеко превосходящее броделианское) в исторической антропологии. Это явление назвали «биологическим» или «когнитивным» поворотом, и историки достаточно о нем осведомлены.

А вот «третья волна» в социологии странным образом остается незамеченной. Представители третьей волны (Р. Аминзаде, Дж. Касанова, Э. Клеменс, Б. Дилл, Д. Дж. Фрэнк, Л. Гриффин, Дж. Хайду, М. Хэчтер, Э. Кизер, Дж. Мэйер, У. Сьюэлл и др.)⁶⁸ отвергли базовые принципы своих учителей (а среди них были такие известные ученые, как Т. Скокпол, И. Валлерстайн, Ш. Айзенштадт, Ч. Тилли) и сконцентрировались не на типологии, поисках подобия, преемственности и *больших* нарративах, а на принципиально ином – случайности, динамике, изменчивости, неустойчивости, мутациях. Разрабатываемые ими объяснительные модели существенно повышают статус исторических акторов и отдельных событий и, соответственно, фокусируются на непредвиденных долгосрочных последствиях человеческих действий в разворачивании исторических траекторий. Тем самым процесс анализа сосредоточен на последовательностях (событий), вероятности и непредсказуемости, поворотных точках, «исторических ловушках» и т.п., а результатом исследования становится не создание типологий, а выковывание индивидуальных для каждой исторической тенденции цепей событий и причинно-следственных связей (достаточно сложно устроенных). «Третья волна» в исторической социологии поражает именно своей историчностью, столь ценным для историков стремлением объяснить сложные переплетения самых разных факторов, устремлений, событий, порой неожиданных по своим последствиям даже ретроспективно.

Историки, в том числе американские, практически ничем не выдадут своей осведомленности о разработках «третьей волны». Между тем,

⁶⁷ См., напр.: Шеффер. 2010; Gamble. 2007; Smail. 2008.

⁶⁸ О «третьей волне» см.: Steinmetz. 2007; Clemens. 2006; Adams et al. 2005; Abbott. 2001; Griffin. 1992; Clemens. 2005; Friedland, Alford. 1991; Griffin. 1993; Griffin et al. 1997; Haydu. 1998; Isaac, Griffin. 1989; Kiser, Hechter. 1991; Mahoney. 2000; Mahoney. 2004; Sewell. 2005; Somers. 1998.

похоже, что это направление в социологии уже довольно influentially. Статьи «новых» исторических социологов с завидной регулярностью печатаются в ведущих социологических журналах, а обзоры их книг можно найти практически в любом номере *Annual Review of Sociology*.

Таким образом, мы наблюдаем очередную интервенцию на территорию историков. В середине XX в. в США, это были экономисты – и сегодня в США экономической историей занимаются преимущественно экономисты на факультетах экономики⁶⁹. К концу прошлого века пришлось столкнуться с интервенцией филологов (новый историзм), и историки оказались очень чувствительны к постмодернистскому вызову. Адепты гендерных и феминистских исследований, а также постколониального дискурса тоже активно вторглись на территорию прошлого. Теперь происходит интервенция исторической социологии. Но здесь есть одно «но», отличающее это вторжение от многих других. «Третья волна», как кажется, наконец-то, радикально *приблизилась* к историкам, поставив в центр своих исследований единичное, индивидуальное, уникальное в перспективе времени.

Произойдет ли на этом очередном перекрестке «историческая встреча» – вопрос, как мне кажется, с предсказуемым ответом. Междисциплинарное общение в предложенном теоретическом формате, потребовало бы от историков овладения достаточно сложным и относительно новым теоретическим арсеналом (во многом он заимствован из экономической теории), который социологи «третьей волны» мобилизовали для решения проблем исторической изменчивости и непредсказуемости. Но перекресток (хотя бы один!) обнаружен.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999 [1960].
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004 [1992].
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. В 3-х т. Ч. I. М.: Прогресс, 1986–1992 [1979].

⁶⁹ О результатах этой интервенции для экономической истории в США Уильям Сьюэлл пишет: «Относительное безразличие профессиональных историков к истории экономической жизни в последние 30 лет... кажется парадоксальным, если принять во внимание поразительные трансформации, произошедшие с мировым капитализмом в тот же самый период. Я объясняю такое равнодушие свершившимся когда-то захватом междисциплинарного поля экономической истории математически ориентированными экономистами и почти одновременным разворотом историков от социальной к культурной истории» (Sewell. 2010).

- Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. с фр. В 3-х ч. Ч. 1: Роль среды. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2002–2003 [1949/1990].
- Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XV в. / Пер. с итал. М.: РОССПЭН, 2000 [1976].
- Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Пер. с англ. М.: НЛО, 2002 [1984].
- [Земон] Дэвис Н.* Возвращение Мартена Герра / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990 [1983].
- [Земон] Дэвис Н.* Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. Пер. с англ. М.: НЛО, 1999 [1995].
- Ионов И. Н.* От всеобщей истории к глобальной истории: роль постколониальной критики. Рукопись.
- Ионов И. Н.* Основные направления и методология глобальной истории // Новая и Новейшая история. 2003. № 1. С. 18–29.
- Ле Руа Ладюри Э.* Монтанью, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001 [1975].
- Потапова Н. Д.* Современное состояние исторического знания. Сравнительный анализ исторической периодики России и США, 1999–2008. (Исследование в рамках проекта Смольного института свободных искусств и наук «Болонский процесс и основные направления модернизации исторического образования в России» при поддержке Фонда МакАртуров). Рукопись.
- Репина Л. П.* Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике / «Гуманитарные исследования» (ИГИТИ ГУ–ВШЭ). 2009. Вып. 1 (38). 40 с.
- Савельева И. М.* Классики в исторической науке: «свой» и «чужие» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Ред. Л. П. Репина. М.: Изд-во ЛКИ. 2011. С. 491–515.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Классическое наследие. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2010.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* «Там, за поворотом...»: о модуле сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 73–101.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003–2006.
- Саид Э.* «Ориентализм. Западные образы Востока». СПб: Русский Мир, [1978] 2006.
- Сейл Л.* Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М.: Прогресс, [1978] 1984.
- Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2000 [1984/2000].
- Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
- Филитов А. Ф.* Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Хобсбаум Э.* Век Революций [1972]. Век капитала [1975]. Век империй [1987]. В 3 т. / Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
- Шенк Ф. Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение, 2001. № 6 (52). С. 42–61.
- Шеффер Ж.-М.* Конеч человеческой исключительности. М.: НЛО, 2010.

- Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М.: Искусство, 2001 [1990].
- Эриксон Э. Г.* Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование. Пер. с англ. М.: Медиум, 1995 [1958].
- Abbott A.* Time Matters: On Theory and Method. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2001.
- Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective / Eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Lanham, 2002.
- Adams J., Clemens, E. S. and Orloff, A. S.* Introduction: Social Theory, Modernity, and the Three Waves of Historical Sociology / Ed. by Julia Adams et al. Remaking Modernity: Politics, History, and Sociology. Durham, NC, and L.: Duke Univ. Press, 2005. P. 1–72.
- AHR Forum: Oceans of History / American Historical Review. June 2006. Vol. 111. No. 3. P. 711–780.
- Alison G.* Atlantic History: Definitions, Challenges, and Opportunities // American Historical Review. 2006, Vol. 111. P. 741–757.
- Ankersmit F.* The Three Levels of ‘Sinbildung’ in Historical Writing; Language and Historical Experience / Ed. by Jörn Rüsen. Meaning and Representation in History. New York and Oxford: Berghahn Books, 2006.
- Baker A. R. H.* Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Bayly C.* The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden (Mass.); Oxford, 2004.
- Bentley J. H., Ziegler H. F.* Traditions and Encounters: A Global Perspective on the Past [2000]. Boston: McGraw-Hill, 2003.
- Bentley J. H.* The New World History / Ed. by Lloyd Kramer and Sarah Maza. A Companion to Western Historical Thought. Oxford: Blackwell, 2002. P. 393–416.
- Bentley J. H.* Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship. Washington, D.C.: American Historical Association, 1996.
- Bentley J. H.* World History and Grand Narrative // Writing World History, 1800–2000 / Ed. by Benedikt Stuchtey. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Bentley J. H.* Why Study World History? // World History Connected 5.1 (2007): 19 pars. 1 May 2011 – URL: <<http://www.historycooperative.org/journals/whc/5.1/bentley.html>>
- Beverage B.* Time, Presence, and Historical Injustice / History and Theory. May 2008, Vol. 47, Issue 2. Pp. 149–167.
- Boyd R., Richerson P. J.* Culture and the Evolutionary Process. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- Boyd R., Richerson P. J.* The Origin and Evolution of Cultures. Oxford: Oxford University Press, 2005a.
- Boyd R., Richerson P. J.* Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution. Chicago: University of Chicago Press, 2005b.
- Bulliet R. W., Crossley P. K., Headrick D. R., Johnson L. L.* The Earth and its Peoples: a Global History. Boston: Houghton Mifflin Company, 2008.
- Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. London: Temple Smith, 1978.
- Canizares-Esguerra J.* How to Write the History of the New World: Histories, Epistemologies, and Identities in the Eighteenth-Century Atlantic World. Stanford, California: Stanford University Press, 2002.
- Carr D.* Narrative Explanation and its Malcontents // History and Theory. February 2008, Vol. 47. Issue 1. P. 19–30.

- Casey E. S. *Earth-Mapping: Artists Reshaping Landscape*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2005.
- Chakrabarty D. *Minority Histories, Subaltern Pasts // Postcolonial Studies*. 1998. Vol. 1. № 1. P. 15, 22–27.
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Christian D. *The Return of Universal History // History and Theory Special Issue: The Next Fifty Years*. December 2010, Vol. 49, Issue 4. Pp. 6–27.
- Clark E. *History, Theory, Text. Historians and the Linguistic Turn*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2004.
- Classen Ch. and Kansteiner W. *Truth and Authenticity in Contemporary Historical Culture: An Introduction to Historical Representation and Historical Truth // History and Theory*. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 1–4.
- Classen Ch. *Balanced Truth: Steven Spielberg's Schindler's List Among History, Memory, And Popular Culture // History and Theory*. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 77–102.
- Clemens E. S. *Afterword: Logics of History? Agency, Multiplicity, and Incoherence in the Explanation of Change / Ed. by Julia Adams et al. Remaking Modernity: Politics, History, and Sociology*. Durham, NC, and L.: Duke University Press, 2005. P. 493–515.
- Clemens E. S. *Sociology as a Historical Science // The American Sociologist*. Summer 2006. Vol. 37, Issue 32. Pp. 30–40.
- Coleman M. & Agnew, J. A. *The Problem with Empire. / Ed. by J. W. Crampton & S. Elden. Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. Aldershot: Ashgate Publishing Ltd. 2007. P. 317–339.
- Cowen N. *Global History: A Short Overview*. Cambridge: Blackwell, 2001.
- Cresswell T. *In Place/out of Place: Geography, Ideology and Transgression*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
- Crossley, P. K. *What is Global History?* Cambridge: Polity Press, 2008.
- Culture and Resistance: Conversations With Edward W. Said. Interviews with Said by David Barsamian*. Cambridge: South End Press, 2003.
- Das Kaiserreich transnational. *Deutschland in der Welt 1871–1914 / Hg. S. Conrad, J. Osterhammel*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004.
- Dietze C. *Toward a History on Equal Terms: A Discussion of Provincializing Europe // History and Theory*. February 2008. Vol. 47. Issue 1. P. 69–84.
- Dirks N. *Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India*. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Ethington P. J. *Placing the Past: 'Groundwork' for a Spatial Theory of History // Rethinking History*. 2007. Vol. 11. Issue 4. P. 465–493.
- Faire de l'histoire / Eds. J. Le Goff, P. Nora. 3 t. Paris: Éditions Gallimard, 1974.
- Fanon F. *The Wretched of the Earth [1961]*. New York: Grove Weidenfeld, 1963.
- Fanon F. *Black Skin, White Masks [1952]*. New York: Grove Press, 1967.
- Fanon F. *Toward the African Revolution [1964]*. New York: Grove Press, 1969.
- Fracchia J., Lewontin R. C. *Dialectical Itineraries // History and Theory*. May 1999. Vol. 38. Issue 2. P. 169–197.
- Fracchia J. and Lewontin R. C. *The Price of Metaphor // History and Theory*. February 2005. Vol. 44. Issue 1. P. 14–29.

- Friedland R., Alford R. R.* Bringing Society back in: Symbols, Practices, and Institutional Contradictions / Ed. by W. Powell & P. DiMaggio. *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 232–263.
- Frontiers of Evolutionary Economics* / Ed. by John Foster and J. Stanley Metcalfe. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2001.
- Gamble C.* Origins and Revolutions: Human Identity in Earliest Prehistory. New York: Cambridge University Press, 2007.
- Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History* / Ed. by Shigeru Akita. New York: Palgrave Macmillan, 2002.
- Geyer M., Bright Ch.* World History in a Global Age // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. Issue 4. P. 1034–1060.
- Gieryn T. F.* A Space for Place in Sociology // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. Issue 1. P. 463–496.
- Gilbert H., Tompkins J.* Post-Colonial Drama: Theory, Practice, Politics. L.: Routledge, 1996.
- Global History Reader* / Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005.
- Globalisation in World History*. Ed. by Anthony G. Hopkins. London: WW Norton, 2002.
- Goody J.* The Theft of History. New York: Cambridge University Press, 2006.
- Griffin L. J.* Narrative, Event-Structure Analysis and Causal Interpretation in Historical Sociology // *American Journal of Sociology*. 1993. No. 98. P. 1094–1133.
- Griffin L. J.* Temporality, Events, and Explanation in Historical Sociology: An Introduction // *Sociological Research and Methods*. 1992. Vol. 20. Issue 4. P. 403–427.
- Griffin L. J., Clark P., Sandberg J.* Narrative and Event: Lynching and Historical Sociology // Ed. by F. Brundage. *Under Sentence of Death: Lynching in the South*. Chapel Hills, NC: University of North Carolina Press, 1997. P. 24–47.
- Haydu J.* Making Use of the Past: Time Periods as Cases to Compare and as Sequences of Problem Solving // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 104. No. 2. P. 339–371.
- History and Theory Overview* – URL: [http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/homepage/ProductInformation.html](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1468-2303/homepage/ProductInformation.html)
- History and Theory*. February 2005. Vol. 44. Issue 1.
- History and Theory*. October 2005. Vol. 44. Issue 4.
- History and Theory: The Next Fifty Years*. December 2010. Vol. 49. Issue 4.
- Hobsbawm E. J.* The Age of Extremes. L.: Michael Joseph & Pelham Books, 1994.
- Hobsbawm E.* On History. London: Weidenfeld and Nicolson, 1997.
- Horden P. and Purcell N.* The Mediterranean and “the New Thalassology” // *American Historical Review*. June 2006. Vol. 111. No. 3. P. 722–740.
- Hughes-Warrington M.* World History and World Histories // *World History Connected*. 2006. Vol. 3. No 3. – URL: <http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu/3.3.html>
- Iggers G. G.* *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover (NH): Wesleyan Univ. Press; University Press of New England, 1997 [Germ. ed. 1993].
- Iggers G.* A Search for a Post-Postmodern Theory of History // *History and Theory*. February 2009. Vol. 48. Issue 1. P. 122–128.
- International Handbook of Historical Studies: Contemporary Research and Theory* / Ed. by G. G. Iggers, H. T. Parker. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1979.
- Internationale Geschichte. Themen – Ergebnisse – Aussichten* / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München: Oldenbourg, 2000.

- Isaac L. W., Griffin L. J.* Ahistoricism in Time-series Analysis of Historical Process: Critique, Redirection, and Illustrations from U.S. Labor History // *American Sociological Review*. 1989, Vol. 54. No. 6. P. 873–890.
- Jay M.* Faith-Based History // *History and Theory*. February 2009. Vol. 48. Issue 1. P. 76–84. *Journal of Global History*. 2006–2010.
- Kansteiner W.* Success, Truth, And Modernism In Holocaust Historiography: Reading Saul Friedländer Thirty-Five Years After The Publication Of *Metahistory* // *History and Theory*. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 25–53.
- Keilbach J.* Photographs, Symbolic Images, and The Holocaust: On The (Im)Possibility of Depicting Historical Truth // *History and Theory*. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 54–76.
- Kiser E., & Hechter M.* The Role of General Theory in Comparative-Historical Sociology // *American Journal of Sociology*. 1991. Vol. 97. Issue 1. P. 1–30.
- Kossock M.* From Universal to Global History / *Conceptualizing Global History* / Ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 93–112.
- L'Histoire et le métier d'historien en France 1945–1995* / Ed. F. Bédarida. P.: Éditions de la MSH, 1995.
- La nouvelle histoire* / Eds. R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. Paris: Retz/CEPL, 1978.
- Les lieux de mémoire* / Ed. P. Nora. 7 t. Paris: Gallimard, 1984–1993.
- Levi G.* L'eredità immateriale. Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento. Torino: Einaudi, 1985.
- Levin L. W.* Clio, Canons and Culture // *Journal of American History*, December 1993, vol. 80. No. 3. P. 852.
- Livingstone D.* *The Geographical Tradition*. Oxford: Blackwell, 1992.
- Löw M.* *Raumsoziologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.
- Mahoney J.* Comparative-historical Methodology // *Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. P. 81–101.
- Mahoney J.* Path Dependence in Historical Sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. Issue 4. P. 507–548.
- Manning P.* *Navigating World History. Historians Create a Global Past*. N. Y., 2003.
- Massey D.* *For Space*. London: Sage. 2005.
- Matsuda M. K.* The Pacific // *American Historical Review*. 2006, Vol. 111. P. 758–780.
- Mazlish B.* *The New Global History*. New York, 2006.
- Mazlish B.* Comparing Global History to World History // *Journal of Interdisciplinary History*. 1998. Vol. 28. Issue 3. P. 385–396.
- Mazlish B.* Big Questions? Big History? // *History and Theory*. May 1999. Vol. 38. Issue 2. P. 232–248.
- McNeill W. H.* *The Rise of the West: The History of the Human Community*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964.
- Meaning and Representation in History* / Ed. by Jörn Rüsen. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006.
- Medick H.* *Weben und Überleben in Laichingen, 1650–1900. Lokalggeschichte als Allgemeine Geschichte*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.
- Murdoch J.* *Post-Structuralist Geography: a Guide to Relational Space*. L.: Sage. 2006.
- New Perspectives on Historical Writing* / Ed. P. Burke. Cambridge : Polity Press, 1991.
- The New History: The 1980's and Beyond. Studies in Interdisciplinary History* / Ed. by Th. K. Rabb, R. Rothberg. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1982.

- Novick P.* That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- O'Brien P. K.* Historical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // *Journal of Global History*. 2006. Vol. 1. Issue 1. P. 3–39.
- Osterhammel J.* Colonialism: A Theoretical Overview. [1995] 2nd ed., Princeton: Marcus Wiener Publishers. 2005.
- Osterhammel J.* Internationale Geschichte. Themen, Ergebnisse, Aussichten. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000.
- Osterhammel J., Petersson N. P.* Globalization: A Short History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005.
- Osterhammel J., Petersson N. P.* Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen. München: C.H. Beck Verlag, 2003.
- Palgrave Advances in World Histories / Ed. by M. Hughes-Warrington. Chippenham, Wiltshire: Palgrave Macmillan, 2005.
- Passés recomposés: Champs et chantiers de l'histoire / Eds. J. Boutier, J. Dominique. Paris: Éditions Autrement, 1995.
- The Political Imagination in History: Essays Concerning J. G. A. Pocock / Ed. by D. N. DeLuna, assisted by P. Anderson & G. Burgess. Baltimore MD: Owlworks, 2006.
- Pomian, K.* Sur l'histoire. Paris: Éditions Gallimard, 1999.
- Printy M.* Skinner and Pocock In Context: Early Modern Political Thought Today // *History and Theory*. February 2009. Vol. 48. Issue 1. P. 113–121.
- History and Theory Forum: Provincializing Europe // *History and Theory*. February 2008. Vol. 47. Issue 1.
- The Public Historian. University of California Press. Summer 2010. Vol. 32. Issue 3.
- Rethinking American History in a Global Age / Ed. by P. Bender. Berkeley, Los Angeles, London: University Of California Press, 2002.
- Rethinking the Foundations of Modern Political Thought Ed. by A. Brett and J. Tully, with H. Hamilton-Bleakley. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2006.
- The Return of Science: Evolution, History, and Theory / Ed. by Philip Pomper and David Gary Shaw. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2002.
- Reynolds D.* One World Divisible: a Global History. London: Allen Lane, 2000.
- Rigney A.* All This Happened, More or Less: What a Novelist Made of The Bombing of Dresden // *History and Theory*. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 5–24
- Runciman W. G.* Culture Does Evolve / *History and Theory* February 2005. Vol. 44. Issue 1. P. 1–13.
- Runciman W. G.* Rejoinder to Fracchia and Lewontin. / *History and Theory*, Feb 2005, Vol. 44, Issue 1. Pp. 30–41.
- Runia E.* Burying The Dead, Creating The Past / *History and Theory*. October 2007, Vol. 46, Issue 3. Pp. 313–325.
- Sachsenmaier D.* World History as Ecumenical History? // *Journal of World History*. 2007. Vol. 18. Issue 4. P. 465–490.
- Sewell Jr., W. H.* A Strange Career: The Historical Study of Economic Life // *History and Theory*. December 2010. Vol. 49. Issue 4. P. 146–166.
- Sewell Jr., W. H.* Logics and History: Social Theory and Social Transformation. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
- Sibley D.* Geographies of Exclusion. London: Routledge, 1995.

- Smail D.* On Deep History and the Brain. Berkeley: University of California Press, 2008.
- Somers M. R.* 'We're no Angels': Realism, Rational Choice, and Relationality in Social Science // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 104. Issue 3. P. 722–784.
- The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives* / Ed. by Barney Warf and Santa Arias. London: Routledge, 2009.
- Spiegel G. M.* Revising The Past / Revisiting The Present: How Change Happens in Historiography / *History and Theory*. December 2007. Vol. 46. Issue 4. P. 1–19.
- Stavrianos L. S.* Lifelines from Our Past. A New World History. N. Y.: Pantheon, 1989.
- Stearns P. N.* European Society in Upheaval. Social History Since 1800. New York: Macmillan, 1967.
- Stearns P. N.* Western Civilization and World History. N.Y.; L.: Routledge, 2003.
- Steinmetz G.* The Relations between Sociology and History in the United States: The Current State of Affairs // *Journal of Historical Sociology*. March/June 2007. Vol. 20. Issue 1–2. P. 1–12.
- Szabo P.* Why History Matters in Ecology: an Interdisciplinary Perspective // *Environmental Conservation*. Cambridge: Dec 2010. Vol. 37. Issue 4. P. 380–388.
- Taylor Ch.* A Secular Age. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.
- Thompson E. P.* Plebeian Culture and Moral Economy. London: Methuen, 1980.
- Tilly Ch.* Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Russell Sage Foundations, 1984.
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R.* The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1975.
- Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past* / Ed. J. Bentley, H. F. Ziegler. Boston, 2003.
- Wehler H.-U.* Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Studien zu Aufgabe und Traditionen der deutschen Geschichtswissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980.
- Werner M., Zimmermann, B.* Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge Of Reflexivity / *History and Theory*, February 2006. Vol. 45. Issue 1. P. 30–50.
- Western Historical Thinking: An Intercultural Debate* / Ed. by Jörn Rüsen. New York and Oxford: Berghahn Books, 2002. P. vii, ix.
- Wigen K.* Oceans of History // *American Historical Review* 111 (2006). P. 717–721.
- Windschuttle K.* The Killing of History: How Literary Critics and Social Theorists are Murdering Our Past. San Francisco: Encounter Books, 1996.
- Witt U.* The Evolving Economy: Essays on the Evolutionary Approach to Economics. *Global Business and Economics Review*, Vol. 8, No. 3/4, 2006. P. 338–342.
- Witt U.* *Evolutionary Economics* / *The New Palgrave Dictionary of Economics*, ed. Steven Durlauf and Lawrence Blume, 2nd ed. L.; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Witt U.* *The Evolving Economy: Essays on the Evolutionary Approach to Economics*. Cheltenham: Edward Elgar. 2003.
- World Civilizations: The Global Experience* / Ed. P. N. Stearns et al. 2 vol. N.Y., 2000–2003.
- Writing World History 1800–2000* / Ed. by E. Fuchs, B. Stuchtey. Oxford; N.Y., 2003.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полежаева НИУ ВШЭ; isavelieva@hse.ru